

РЕВОЛЮЦИЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПРОФЕССУРА (1918–1920-е гг.)

Революция 1917 г. изменила высшее медицинское образование. В каждом университете России была своя история о том, как переживалось воздействие социальных процессов начала XX в. на профессию, как под влиянием трансформирующейся социальной среды изменялись образ жизни, поведенческие стереотипы, появлялись новые стратегии выживания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: высшее медицинское образование, Воронежский университет, профессор медицины.

Уже в первые годы советской власти, а затем в течение двух десятилетий происходила перестройка высшего образования, системы подготовки кадров, оставшейся от царской России. Кардинально менялось и положение бывших «царских» профессоров, они были выбиты из привычной социально-культурной и профессиональной среды, лишены прежнего социального статуса и положения. В условиях революции для медицинской профессуры появились новые стратегии выживания. Их социальное положение очень зависело от политических взглядов, удаленности от Москвы, политической конъюнктуры, а также степени экономического благополучия губернии или региона и потребности в их профессиональных навыках и знаниях. Изменение социальной роли профессоров в данной статье рассмотрено на примере медицинского факультета Воронежского университета.

В 1918 г. патристически настроенная часть русского профессорско-преподавательского состава Императорского Юрьевского (бывшего Дерптского) университета была вынуждена эвакуироваться вглубь России, г. Юрьев был захвачен немецкими войсками. Местом эвакуации был выбран Воронеж. Переговоры о переезде и размещении Юрьевского университета с Воронежской городской управой проходили еще в 1916 г., но переезд в Воронеж состоялся лишь летом 1918 г. уже при новой власти, в условиях Гражданской войны. Кафедры и лаборатории медицинского факультета Юрьевского университета, как и планировалось, разместились в помещениях бывшего кадетского корпуса и мужской гимназии. Большинство профессоров сохраняли надежду на возвращение в Юрьев. Однако после заключения Брестского мира возвращаться профессорам-юрьевцам было уже некуда. Пришлось приспособливаться к новым,

постоянно меняющимся условиям жизни в условиях Гражданской войны и военного коммунизма. На базе эвакуированного Юрьевского университета в Воронеже решением Советского правительства был создан Воронежский университет.

Социальный состав студентов и профессоров, которые летом 1918 г. приехали в Воронеж, был демократичен. В 1913 г. в университете обучалось 17 % дворян, остальные относились к разночинцам [см.: Тарадин, с. 27].

Медицинская профессура по большей части также была разночинного происхождения. Ученая степень сокращала путь к потомственному дворянству до 4–5 лет. Ординарный профессор в 1912 г. получал зарплату в 3000 руб. в год, а также учебные и консультационные гонорары. Средняя профессорская зарплата в 17 раз превышала среднюю зарплату квалифицированного индустриального рабочего [см.: Шипилов, с. 40]. После 25-летней службы назначалась пенсия, которая не препятствовала продолжению преподавательской работы. Социальное положение профессора до Октябрьского переворота в российском обществе было высоким.

У юрьевских профессоров-«беженцев» квартир в Воронеже не было. Они были расселены по комнатам конфискованных особняков, многие были вынуждены жить в помещениях при кафедрах и лабораториях, при больницах. Вскоре и там началось «самоуплотнение», переселение и выселение. Так, хирург-профессор Н. Н. Бурденко, известный своими демократическими взглядами, жил в Воронеже во флигеле при больнице Николаевской общины Красного Креста, где он организовал свою клинику. «Первая лекция, глубокой осенью 1918 года, читалась в не отапливаемом помещении амбулатории, где спешно была поставлена железная печка – “буржуйка”. Расхаживая вокруг нее и согревая руки, Николай Нилович излагал слушающим его студентам основы хирургии» [Боброва, с. 10]. Работа давала право для получения мизерного «классового пайка». Университетские профессора стали умирать от голода. Для гражданской войны еда и дрова – это та реальность, в которой приходилось бороться за выживание.

В Воронеже с 1918 г. свирепствовала эпидемия тифа. К обязательным бесплатным работам (так называемая трудовая повинность по специальности) привлекались все медицинские работники, включая профессоров и частнопрактикующих врачей. Профессора медицины в свободное от учебных часов время обязаны были работать в бараках, «брать в сумку медикаменты и инструменты и совершать подворные обходы своего участка» [Русанова, с. 14].

От голодной смерти спасали частные консультации и пайки военных госпиталей. Некоторые профессора сразу же покинули Воронеж, предпочитая устроенный быт немецкого Дерпта (вскоре Тарту), разоренному гражданской войной городу. В 1919 г. ненадолго Воронеж оказался в руках белых, часть профессоров ушла вместе с ними, оказавшись затем в эмиграции. Покинули город известные юрьевские профессора медицины хирург М. И. Ростовцев, терапевт П. Х. Калачев и др.

Между тем проблем становилось все больше: например, с дровами и углем для отопления учебных помещений и клиник. В октябре 1920 г. из-за отсутствия дров и невозможности отапливать помещение закрывалась для приема больных клиника Бурденко. В 1919–1920 гг. достигла пика эпидемия сыпного тифа. Декан медицинского факультета профессор А. Г. Люткевич в послании от 18 июня 1920 г. обратился к коллегам: «Имею честь сообщить факультету, что я, после выздоровления от сыпного тифа, начал заведовать клиникой с 18 июня, к чтению лекций приступлю 21 июня. Исполнять обязанности декана пока не могу – еще нет сил, чтобы подниматься в канцелярию медицинского факультета на третий этаж» [Карпачев, с. 115].

Социальная структура предреволюционного общества была сложной и не укладывалась в упрощенную схему марксизма. Не только «бывшая» буржуазная интеллигенция испытывала лишения эпохи военного коммунизма. В регионе полыхала Гражданская война. То затихало, то начиналось с новой силой крестьянское восстание в соседней Тамбовской губернии, известное в советской историографии как «антоновщина».

Негативное отношение к «царскому» прошлому определяло главную интенцию того времени – желание разрушить прежний мир. Революционные идеи о перестройке высшего образования воплотились в ряде декретов: «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР»; «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях». По желанию без экзаменов на первый курс медицинского факультета Воронежского университета было зачислено 1500 студентов. Трудно представить, как профессору-анатому И. В. Георгиевскому приходилось читать лекции по нормальной анатомии сразу 750 студентам первого курса. 1 октября 1918 г. СНК РСФСР принял очередной декрет, в котором предполагалось сократить численность преподавателей, работавших в царское время, отменялись «буржуазные» дипломы, степени и звания. Интеллигенция большинством понималась как «реакционная и контрреволюционная», враждебная пролетариату. В свою очередь, явных политических

симпатий к большевикам у многих профессоров не было. «Беспартийных вузовских профессоров и преподавателей, которые активно работали с советскими органами, т. е. с горздравом и с губздравом, называли презрительной кличкой “коммуноиды”» [Ткачев, с. 97]. Наряду с теми, кто занимался только преподавательской деятельностью, были и те, кто с критикой относился к царизму, верили в социализм, надеялись на то, что после Гражданской войны будет построено новое справедливое общество.

Но «старая» профессура была категорически против революционной ломки сложившейся системы высшего образования. По мере возможности на медицинском факультете сохранялась корпоративная сплоченность и традиционные формы обучения. Высшее образование еще не подверглось жесткому пролетарскому контролю, профессора продолжали работать по специальности, тем более что потребность в медицинских кадрах была огромна.

К началу 1920 г. на 22 кафедрах медицинского факультета Воронежского университета оставалось 8 профессоров. К преподаванию стали привлекаться студенты-старшекурсники и практикующие воронежские земские врачи. Университет и медфак оказались на грани закрытия.

После 1922 г. стали расти ассигнования на высшее образование, а вслед за этим и на оплату труда профессоров-преподавателей, их зарплата достигла четырехкратного превышения зарплаты рабочего. В 1931 г. зарплата и продовольственный паек рабочего и профессора снова сравнялись [см.: Шипилов, с. 40].

Во времена военного коммунизма и в период НЭПа пролетарская власть еще мирилась с «буржуазными» учеными и относительной академической автономией старой царской профессуры. Кафедры сами определяли тематику научных исследований, планировали командировки и т. п.

С середины 1920-х гг. на медицинских факультетах стали внедрять в качестве наиболее передового и прогрессивного «бригадно-лабораторный» метод обучения. Он насаждался Наркомпросом, поскольку «отказ от лекций поможет быстрее освободить студенчество от идейного влияния буржуазных профессоров» [Ерегина, с. 94]. Систематические лекции, охватывающие весь курс, были заменены практическими занятиями (отношение лекционных часов к практическим 1 : 2). В качестве обязательных предметов были введены диалектический материализм и ленинизм. Индивидуальный контроль знаний и практических навыков отменялся, в группе ассистенты опрашивали 2–3 человек, и вся группа получала «зачет».

Для подготовки новых советских профессоров с 1925 г. в университетах была открыта аспирантура, куда отбирали по рекомендации партийной ячейки. В конце 1920-х гг. активизировался террор против «реакционных буржуазных» представителей, к числу которых относилась и бывшая царская профессура. Любое критическое замечание по отношению к нерадивому студенту «социально-ценного происхождения» воспринималось с классовых позиций. Профессора с сомнительным социальным происхождением опасались за свое место в университете. Кому не удалось скрыть свое прошлое, при всяком удобном случае демонстрировали свою лояльность, выступая на собраниях, подчеркнуто уважительно относились к санитаркам, нянечкам как представителям пролетариата. С 1929 г. была введена отчетность профессоров перед вузовской ячейкой ВКП(б) и общественными организациями. Появилась Комиссия по общественному надзору, в полномочия которой входило увольнение всех политически неблагонадежных сотрудников кафедр.

Несмотря на эти трагические обстоятельства, профессора продолжали делать научные открытия, учить студентов медицине, готовить врачебные кадры для страны. В середине 1930-х гг. преподавание медицины возвратилось к прежней университетской системе образования с учетом произошедших изменений в медицинской науке, а также идеологического воспитания и задач военной подготовки медицинских кадров.

Боброва Н. В. Выдающийся хирург, ученый и гуманист Н. Н. Бурденко. Воронеж, 2001.

Ерегина Н. Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль, 2010.

Карпачев М. Д. Воронежский университет: вехи истории, 1918–2013. Воронеж, 2013.

Русанова А. А. О тех, кто нас учил. Воронеж, 2008.

Тарадин И. Классовая борьба в медицине. Воронеж, 1932.

Ткачев Т. Я. Мир и войны. Воронеж, 2005.

Шипилов А. В. Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем, будущем // ALMA MATER. Вестн. высш. шк. 2003. № 4. С. 33–42.